

FANTASTIKA

BEN AARONOVITCH

RIVERS of LONDON

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2014

БЕН ААРОНОВИЧ

РЕКИ ЛОНДОНА

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2014

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
А12

RIVERS OF LONDON
Copyright © Ben Aaronovitch 2011
Cover illustration copyright ©
First published by Victor Gollancz Ltd, London

All rights reserved.

Перевод с английского Елизаветы Трубецкой

Внутренние иллюстрации Владимира Рылова

ISBN 978-5-91878-094-7

© Е. Трубецкая, перевод, 2014
© В. Рылов, иллюстрации, 2014
© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2014

*Памяти Колина Рейви,
ибо есть на свете люди такого размаха,
что в одной вселенной им тесно.*

К чему провидеть, что грядет?
Бедя в свой явится черед,
А радость может запоздать.
И мудрость — зло, не благодать,
Где меньше знаешь — крепче спишь,
Там глупо много знать.

Томас ГРЕЙ.

Ода «Вид издали на Итонский колледж»

ВАЖНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Все началось во вторник, в полвторого холодной январской ночи, когда Мартин Тернер, уличный актер и, как он себя называет, начинающий жиголо, наткнулся на труп у западного портика церкви Св. Павла, что в Ковент-Гардене. Мартин и сам-то был не слишком трезв, поэтому решил, что тело принадлежит одному из гуляк, использовавших площадь у церкви в качестве удобного туалета, а заодно и кровати на свежем воздухе. Будучи лондонцем до мозга костей, Мартин окинул лежащего так называемым лондонским шустрым взглядом — беглым, но достаточным, чтобы понять, кто перед тобой: пьяный, сумасшедший, или просто плохо человеку. Поскольку один и тот же случай запросто может сочетать в себе все три состояния, в пределах Лондона доброе самаритянство стало крайне экстремальным видом спорта — вроде прыжков с высоток или вольной борьбы с крокодилами. Отметив, что на теле неплохие туфли и пальто, Мартин квалифицировал его как пьяное. И только после этого увидел, что у трупа, собственно, нет головы.

Когда Мартин давал показания приехавшим детективам, то отметил, что большая удача, что он был в подпитии: иначе он потратил бы много времени попусту на беготню и вопли, особенно после того, как обнаружил, что стоит в луже крови. А так он медленно, с серьезной методичностью человека пьяного и напуганного, набрал 999 и вызвал полицию.

Полицейский оперативный штаб направил туда ближайшую группу быстрого реагирования, и первые полицейские прибыли уже через шесть минут. Один из них остался с внезапно протрезвевшим Мартином, в то время как его коллега засвидетельствовал наличие мертвого тела и то, что при прочих равных условиях это происшествие, скорее всего, нельзя считать несчастным случаем. Голова обнаружилась в шести метрах от тела — она закатилась за одну из неоклассических колонн церковного портика. Присутствующие полицейские сообщили обо всем в свое управление, оттуда информацию передали в окружной отдел расследования убийств, и через полчаса приехал тамошний дежурный офицер, самый младший следователь во всей команде. Ему хватило одного взгляда на мистера Безголового, чтобы тут же броситься звонить своему начальству. И уже после этого департамент расследования убийств лондонской полиции в полном своем блеске расположился на брусчатке между портиком церкви и зданием рынка. Приехал патологоанатом, констатировал смерть, провел предварительную экспертизу и увез тело на вскрытие (с этим произошла небольшая заминка — голова никак не помещалась в пакет для улики). Прибыла толпа криминалистов — и тут же, чтобы продемонстрировать свою полезность, потребовала расширить зону контроля вплоть до западного края площади у церкви. Для этого понадобилось еще больше полицейских в форме, и старший следователь из отдела расследования убийств связался с участком Чаринг-Кросс, чтобы выяснить, могут ли они дать людей. Старший смены, услышав волшебные слова «оплата сверхурочных», отправился прямо в общежитие участка и устроил всем добровольно-принудительную побудку, выдернув бедолаг из теплых постелек. Таким образом зона контроля была успешно расширена, экспертиза проведена, младшие следователи отосланы по неким таинственным поручениям, и в пять утра все кончилось. Тело увезли, детективы уехали, а криминалисты единогласно признали, что больше ничего нельзя сделать до рассвета — то есть

в ближайшие три часа. А пока им нужно лишь два-три человека — приглядывать за порядком на месте происшествия до конца смены.

Вот так я и оказался у Ковент-Гардена в шесть утра, на ледящем ветру. И по этой же причине повстречался с призраком.

Иногда я спрашиваю себя: что было бы, если бы за кофе пошла не Лесли Мэй, а я? Наверное, моя жизнь была бы гораздо скучнее, но уж точно спокойнее. Интересно, это с кем угодно могло случиться, или же моя судьба меня настигла? Когда я думаю об этом, мне все время хочется процитировать мудрый афоризм моего отца: «А кто его знает, почему в жизни случается всякая хренотень!»

Ковент-Гарден — это большая площадь в центре Лондона. С восточной ее стороны находится Королевский оперный театр, в центре — крытый рынок, а с западной стороны — церковь Св. Павла. Ее еще называют церковью актеров, чтобы не путать с собором Св. Павла. Построил ее Иниго Джонс в 1638 году. Все это я знаю потому, что, когда стоишь на ледяном ветру, очень хочется на что-нибудь отвлечься — а на стене церкви как раз висит памятная доска, большая и очень подробная. Вот вам, например, известно, что первая зафиксированная жертва эпидемии чумы 1665 года, после которой Лондон сгорел, похоронена именно здесь, на церковном кладбище? А мне стало известно — после того как я потратил десять минут на поиски укрытия от ветра.

Сотрудники отдела расследования убийств перетянули лентами выход с западной стороны площади у церкви на улицы Кинг-стрит и Генриетт-стрит, а также фасад здания рынка. Я охранял выход со стороны церкви и прятался от ветра в его портике, в то время как моя коллега Лесли Мэй, тоже стажер, стояла с другой стороны площади: там можно было укрыться в стенах рынка.

Лесли — невысокая блондинка с беспардонно выпирающим бюстом, который не в силах скрыть даже бронежилет.

Мы вместе проходили базовый тренинг в Хендоне, а потом нас направили на стажировку в Вестминстер. Отношения у нас с ней были исключительно рабочие, несмотря на мое затаенное, но страстное стремление залезть к ней в форменные брюки.

Нас, стажеров, должен был контролировать опытный полицейский — каковую обязанность он и исполнял весьма усердно, сидя в круглосуточном кафе в торговом центре «Сент-Мартинс-Корт».

У меня зазвонил телефон. Я потратил кучу времени, чтобы откопать его — мне мешали бронежилет, пояс, дубинка, наручники, полицейская рация и объемистый, но, к счастью, непромокаемый светоотражающий жилет. Взяв наконец трубку, я услышал голос Лесли.

— Пойду возьму кофе, — сказала она. — Ты будешь?

Я высунулся из портика и глянул в сторону рынка — Лесли махала мне рукой.

— Спасительница, — улыбнулся я. Она побежала в сторону Джеймс-стрит.

Меньше чем через минуту я увидел прямо возле портика чей-то силуэт. В тени ближайшей колонны прятался какой-то коротышка в костюме.

Я поприветствовал его как положено — так, как это делают столичные полицейские:

— Эй! Вы что тут делаете?

Коротышка обернулся, и я мельком увидел бледное испуганное лицо. Одет он был в старомодный, потрепанный костюм с жилетом, при нем были часы на цепочке, а на голове — ветхий цилиндр. Я решил, что это уличный артист из тех, у кого есть разрешение выступать на территории площади перед церковью, — вот только час для представлений малость неподходящий.

— Сюда, сюда, — поманил он меня.

Я еще раз проверил, на месте ли телескопическая дубинка, и двинулся вперед. Предполагается, что полицейские

должны вселять трепет в простых граждан — даже тех, кто готов им помогать. Вот почему мы носим тяжелые ботинки и остроконечные шлемы. Но, подойдя ближе, я понял, что передо мной совершенный заморыш, не выше пяти футов. Чтобы наши лица оказались на одном уровне, мне пришлось наклониться.

— Я видел, как все произошло, сквайр, — проговорил он. — Жуткое зрелище, должен сказать.

В Хендоне вам первым делом вбивают в голову следующее: сначала нужно узнать имя и адрес свидетеля, а потом уже приступать к дальнейшим действиям.

— Ваша фамилия, сэр?

— Конечно, сквайр. Меня зовут Николас Уоллпенни, только не спрашивайте, как это пишется, — я не знаю, потому что никогда не получаю писем.

— Вы уличный артист? — спросил я.

— Можно и так сказать, — отвечал Николас, — во всяком случае, доселе мои представления уж точно ограничивались улицей. Но в такую холодную ночь я бы не отказался разнообразить свою деятельность, обратив ее внутрь. Если вы понимаете, о чем я, сквайр.

К лацкану его пиджака был пришпилен значок — оловянный скелетик, застывший в прыжке. Я подумал, что это слишком готично для оборванного трюкача из подворотни, но Лондон же мировая солянка, здесь чего только не встретишь.

«Уличный артист», — записал я в блокнот.

— Теперь, сэр, расскажите мне, что именно вы видели, — попросил я.

— Много, сквайр, многое.

— Вы что же, давно здесь находитесь?

Насчет допроса свидетелей я также получил четкие инструкции: не задавать наводящих вопросов. Они всегда должны сами выдавать информацию.

— Да-да, я здесь и утром, и днем, и ночью, — ответил Николас. Лекций в Хендоне он явно не посещал.

— Ну, если вы действительно что-то видели, — сказал я, — вам стоит поехать со мной и дать показания.

— Это будет несколько затруднительно, — ответил Николас, — если учесть, что я мертв.

Я решил, что ослышался.

— Если вас волнует ваша безопасность...

— Меня уже ничего не волнует, сквайр, — сказал Николас, — с тех пор как я умер, то есть последние сто двадцать лет.

— Но мы же разговариваем! — вырвалось у меня. — Как это возможно, если вы мертвы?

— Должно быть, у вас дар, — ответил Николас. — Как у старушки Палладино. Это вы, верно, от отца переняли. Кто он у вас, моряк? Или из рабочих на верфи? Вот и губы у вас его, и этими славными кудряшками тоже наверняка он вас наградил.

— Докажите, что вы мертвы, — попросил я.

— Как скажете, сквайр, — проговорил Николас и шагнул в круг света от фонаря.

Он был прозрачный — как голографическое изображение. Трехмерный, абсолютно реальный — но прозрачный, черт его дери! Сквозь него я ясно видел белый полог, растянутый криминалистами над местом, где было обнаружено тело.

Ну ладно, подумал я. Если едет крыша, это еще не освобождает тебя от обязанностей полицейского.

— Расскажите мне, что вы видели, — попросил я.

— Я видел, как первый джентльмен — тот, которого убили, — шел со стороны Джеймс-стрит. Видный такой, бравый, с военной выправкой, элегантен весь — этакий щеголь. Во времена моей телесности я бы сказал: «Высшего класса».

Николас сплюнул — но на асфальт под ногами не упало ни капли. Он продолжал:

— Потом гляжу — идет второй, со стороны Генриетт-стрит. Не такой разряженный — в самых что ни на есть простецких синих штанах, какие рабочие носят. Вон там они встретились. — Николас указал на пяточок метра в десяти от порти-

ка. — И я вот что думаю: эти двое друг друга знали. Они кивнули друг другу, но чтобы остановиться и поболтать — это нет. Ясно дело — не та погода нынче, чтобы лясы на улице точить.

— Так, значит, они просто прошли друг мимо друга? — переспросил я, отчасти чтобы внести ясность, но в основном чтобы успеть записать все это в блокнот. — И вы думаете, они знакомы?

— Да, но не больше, — ответил Николас. — Не закадычные друзья, это точно, — особенно если учесть дальнейшие события.

Я спросил его, что же это были за события.

— Так вот, тот второй, который убийца, вдруг надел колпак и красный сюртук, поднял палку и тихо, незаметно, очень быстро — так сон смежает веки — оказался за спиной у первого и одним ударом снес ему голову с плеч.

— Вы шутите, — сказал я.

— Нет, что вы, отнюдь. — Николас перекрестился. — Клянусь собственной смертью — а это самое сокровенное, чем может поклясться бедный бесплотный дух. Ужасное было зрелище. Голова слетела с плеч, и кровь хлынула рекой.

— А убийца?

— А он, сделав свое дело, исчез в Нью-роу, растворился, словно гончая в лесу, — ответил Николас.

Улица Нью-роу, подумал я, ведет напрямиком к Чаринг-Кросс-роуд, а это идеальное место, чтобы поймать такси или мини-кэб или даже сесть в ночной автобус, если подгадать с расписанием. Таким образом, убийца мог проскочить центр города меньше чем за четверть часа.

— Но это еще не самое страшное, — заявил вдруг Николас. Он явно стремился держать слушателя в напряжении. — Тот, который убийца, — в нем было что-то сверхъестественное.

— Сверхъестественное? — переспросил я. — И это говорите вы, призрак?

— Я дух, да, — сказал Николас, — но это как раз и значит, что я способен при случае распознать сверхъестественное.

— И что же вы видели?

— Убийца не стал снимать свой колпак и сюртук. Вместо этого он взял и сменил лицо, — проговорил Николас. — По вашему, это не сверхъестественно?

Тут кто-то окликнул меня. Лесли — она принесла кофе.

Стоило мне отвернуться, как Николас мгновенно растворился в воздухе.

А я все пялился на пустое место, как идиот, пока Лесли не окликнула меня снова:

— Ты будешь кофе или как?

Я направился к ней по брусчатке церковного дворика — Лесли, добрая душа, ждала меня, держа по стаканчику в каждой руке.

— Что-то случилось, пока меня не было? — спросила она.

Я промолчал и отхлебнул кофе. Потому что сказать: «Я только что говорил с призраком, который был свидетелем убийства», у меня язык не поворачивался.

Назавтра я проснулся в одиннадцать — гораздо раньше, чем собирался. Мы с Лесли сменились в восемь, доползли до общежития и немедленно завалились спать. В разные кровати, что печально.

Главные плюсы общежития — дешевизна, близость к работе и то, что живешь отдельно от родителей. А минусы в том, что под одной крышей с вами обитают субъекты, слабо приспособленные к жизни в обществе и не умеющие сосуществовать с нормальными людьми. А еще они всегда носят тяжелые ботинки. Первое превращает открывание холодильника в увлекательный микробиологический эксперимент, а второе придает каждому шагу громкость горного камнепада.

Я лежал на узкой казенной кровати, уставившись на плакат с певичкой Эстелью на противоположной стене. И плевать, что там говорят: нельзя настолько повзрослеть, чтобы уже не радоваться, когда поутру, едва открыв глаза, видишь красивую женщину.

Я провалялся в постели минут десять в надежде на то, что воспоминания о встрече с призраком развеются вместе

с остатками сна. Надежда эта не оправдалась, а поэтому я встал и направился в душ. Мне предстоял важный день, и требовалась свежая голова.

Полиция большого Лондона, вопреки распространенному мнению, остается организацией, состоящей в основном из рабочего класса. Так что правила «белых воротничков» она не приемлет. Вот почему каждый свежееиспеченный полицейский, независимо от полученной квалификации, обязан пройти стажировку — отпахать два года на улицах города простым постовым. Ибо когда представители общества оскорбляют вас, оплевывают и извергают на вас рвотные массы, это лучший способ закалить характер.

Ближе к концу стажировки уже можно подать заявление на вступление в какое-либо подразделение, управление или формирование. Большинство стажеров потом продолжают службу в качестве патрульных полицейских в своем округе. В лондонской полиции принято считать, что самый что ни на есть правильный выбор — решение остаться постовым и нести неоценимую службу на улицах города. Ведь кто-то же должен принимать на себя оскорбления, плевки и рвотные массы, и лично я снимаю шляпу перед храбрецами, которые выбирают для себя такую службу.

Таково было благородное призвание моего начальника, инспектора Френсиса Неблетта. Он пришел в полицию в незапамятные времена, быстро дослужился до инспектора и остается на этом посту уже тридцать лет, что его вполне устраивает. Инспектор Неблетт — флегматичный человек с прямыми темными волосами и лицом плоским, словно по нему ударили лопатой. Он так старомоден, что всегда надевает форменный китель поверх положенной белой рубашки — даже когда выезжает патрулировать улицы со своими «парнями».

На сегодня у меня было назначено собеседование с ним — нам предстояло «обсудить» мои карьерные перспективы. Номинально эта часть процесса развития карьеры должна была привести к результату, выгодному как для меня, так и для всей

лондонской полиции. После собеседования вынесут окончательное решение по моему распределению — и я сильно подозревал, что оно не будет иметь ничего общего с моими желаниями.

В общей кухне нашего этажа, маленькой и грязной, я встретил Лесли — та выглядела просто неестественно свежо. В шкафу на полке я нашел парацетамол — что-что, а уж парацетамол в полицейском общежитии всегда найдется, тут сомневаться не приходится. Я съел пару таблеток, запив их водой из-под крана.

— У мистера Безголового появилось имя, — сказала Лесли, пока я варил кофе. — Некий Уильям Скермиш, журналист Жил где-то в Хайгейте.

— Что еще слышно?

— Да как обычно. Зверское убийство, то-се, пятое-десятое. В самом центре города, куда только катится Лондон — и все такое прочее.

— Понятно.

— А ты чего встал в такую рань? — спросила Лесли.

— У меня в двенадцать собеседование с Неблеттом насчет дальнейшей карьеры.

— Ни пуха ни пера, — сказала она.

Когда инспектор Неблетт назвал меня по имени, я сразу заподозрил неладное.

— Скажите, Питер, — спросил он, — как вы себе представляете вашу будущую карьеру?

Я поерзал на стуле.

— Ну, вообще-то, — проговорил я, — я подумывал о Департаменте уголовного розыска, сэр.

— Вы хотите стать следователем?

Неблетт всю жизнь носил форму и поэтому относится к следователям в штатском так же, как рядовой гражданин к налоговым инспекторам, — то есть понимает, что без них никак, но дочку свою замуж за такого вряд ли отдаст.

— Да, сэр.

— Но зачем так ограничивать себя? Почему бы вам не выбрать какое-то спецподразделение?

Потому что стажеру не положено говорить, что он хочет служить в подразделении оперативного реагирования или отделе расследования убийств, разъезжать в большой красивой машине и носить ботинки ручной работы.

Думаю, сэр, мне стоит начать с этого, а потом уже развиваться дальше, — ответил я.

— Да, это разумный подход, — согласился Неблетт.

В голове вдруг пронеслась страшная мысль: вдруг меня хотят направить в Трайдент? Это специальное подразделение лондонской полиции, там расследуют преступления с применением огнестрельного оружия, совершенные чернокожими. Поэтому туда всегда стараются привлечь чернокожих полицейских — для выполнения невероятно опасной работы агентов под прикрытием. Нет, я вовсе не считаю эту деятельность ненужной — просто я думаю, что мало подхожу для нее. Каждый должен знать свой предел: я свой осознал, когда переехал в Пекхэм и начал общаться с ямайцами, косящими под бандитов подростками и странноватыми тощими белыми ребятами, совершенно не понимающими глубин творчества Эминема.

— Я не люблю рэп, сэр.

— Буду знать, — неторопливо кивнул Неблетт, а я решил получить следить за своим языком. — Питер, — проговорил он, — за последние два месяца у меня сложилось весьма положительное мнение о вашей компетенции и способности справляться с трудной работой.

— Спасибо, сэр.

— Кроме того, у вас глубокие научные познания.

В колледже на экзаменах по программе А я получил С по математике, физике и химии¹. Такие познания могут считаться научными исключительно в ненаучных кругах. И уж

¹ *Программа А* — двухлетний курс по дополнительным предметам, необходимым для поступления в высшие учебные заведения. По окончании этого курса проводятся экзамены, по каждому из предметов можно получить балл от А до Е. Для поступления нужно получить балл определенного уровня. Обычно сдается не более трех предметов.

точно они не обеспечили бы мне возделенного студенческого билета.

— У вас очень хорошо получается переносить свои мысли на бумагу, — добавил Неблетт.

Разочарование тяжелым холодным комком свалилось куда-то в желудок. Я вдруг понял, какую ужасную участь мне уготовило начальство.

— Нам бы хотелось, чтобы вы подумали насчет Вспомогательного отдела, — сказал Неблетт.

По идее, само существование этого подразделения весьма логично и оправданно. Согласно давно сложившемуся мнению, офицеры полиции буквально погрязли в бумажной работе — всех подозреваемых необходимо регистрировать, все показания документировать, и Закон о полиции и уголовно-процессуальной деятельности должен всегда исполняться неукоснительно. А Вспомогательный отдел как раз призван выполнять за констеблей всю бумажную работу, чтобы они, сняв со своих плеч этот груз, могли спокойно возвращаться на улицы и вновь принимать на себя оскорбления, плевки и рвотные массы. Таким образом, в городе всегда будет достаточно патрульных полицейских, преступность будет ликвидирована, и добропорядочные граждане нашей славной страны, читающие «Дейли Мейл», будут жить в мире и покое.

По правде говоря, сама работа с документами не так уж утомляет — любой, даже неопытный новичок, легко справится с ней меньше чем за час и еще успеет маникюр отполировать. Но дело в том, что работа полицейского связана в основном с физическими действиями — а еще ведь нужно хорошо запоминать показания подозреваемого, чтобы уличить его, если он солжет при следующем допросе. Нужно быть готовым примчаться на каждый крик о помощи, нужно сохранять хладнокровие, когда распаковываешь подозрительные свертки. Не то чтобы это нельзя было совмещать с бумажной работой — но так бывает редко, очень уж деятельность разноплановая. И Неблетт как раз дал мне понять, что из меня не получится крутого по-

лицейского, который ловит воров на улицах, но я принесу большую пользу, если возьму на себя работу с документами, освободив от нее таких ребят. Я готов был поклясться, что эти слова — «большая польза» — вот-вот сорвутся с его языка.

— Сэр, я надеялся на что-то более инициативное, — проговорил я.

— Это очень инициативная позиция, — ответил Неблетт. — Ваша служба принесет управлению большую пользу.

Как правило, офицеры полиции могут ходить в паб, когда захотят, но среди многих правил, обязательных к исполнению, есть следующее: по окончании стажировки происходит традиционная попойка, где патруль накачивает своих свежеспеченных констеблей до непотребного состояния. В связи с этим нас с Лесли притащили на Стрэнд, в «Жабу и Рузвельта», и принялись усиленно поить. Теоретически мы должны были в конце концов свалиться под стол.

— Как прошла встреча? — прокричала мне Лесли, пытаюсь перекрыть гомон паба.

— Отвратно! — крикнул я в ответ. — Вспомогательный отдел!

Лесли скривилась.

— А у тебя как?

— Даже говорить не хочу. Ты взбесишься.

— Ну давай уже, — сказал я. — Выдержу как-нибудь.

— Меня временно направили в отдел расследования убийств.

На моей памяти такого еще не случалось.

— Следователем будешь?

— Нет, констеблем в штатском, — ответила она. — У них сейчас много работы, и им не хватает людей.

Она была права: это меня выбесило.

Вечер был испорчен. Пару часов я сознательно страдал, но терпеть не могу, когда кто-то начинает себя жалеть, — в особенности я сам. Поэтому вышел на улицу — это было наилучшей альтернативой выливанию на голову ведра холодной воды.

Однако дождь, к сожалению, кончился, пока мы сидели в пабе, поэтому я просто стоял и дышал стылым воздухом, надеясь протрезветь.

Минут через двадцать ко мне присоединилась Лесли.

— Надень пальто, черт побери! — проворчала она. — Простынешь же насмерть!

— Разве холодно? — спросил я.

— Я знала, что ты расстроишься.

Я надел пальто.

— Твой клан уже знает? — спросил я.

У Лесли, помимо папы, мамы и бабушки, еще пять старших сестер. Все пять до сих пор жили в Брайтлинси, на сотне квадратных метров родительского дома. Я их видел пару раз, когда они всем кагалом устраивали набег в Лондон за покупками. И производили при этом столько шума, что вполне могли считаться коллективным, то есть семейным, нарушителем общественного порядка и нуждались бы в полицейском эскорте, если бы таковой (в лице Лесли и меня) уже не сопровождал их.

— Да, сказала днем, — ответила Лесли. — Все очень обрадовались, даже Таня, хотя она толком и не понимает, что это значит. А ты своим рассказал?

— О чем? — спросил я. — Что буду сидеть в офисе?

— Ничего плохого в этом нет.

— Да, но я хотел быть настоящим полицейским.

— Я понимаю, — сказала Лесли. — Но почему?

— Потому что хочу приносить пользу обществу, — ответил я. — Ловить злодеев.

— Носить китель с блестящими пуговицами, да? Застегивать наручники и говорить: «Вот ты и попался, приятель!»?

— Хранить и поддерживать общественный порядок, — возразил я. — И не допускать правонарушений.

Лесли грустно покачала головой.

— А кто тебе сказал, что он есть, этот порядок? Вот ты дежурил в субботу ночью — много ты видел порядка?

Я хотел небрежно облокотиться о фонарный столб, но не получилось — меня слегка повело в сторону. Лесли это показалось гораздо более забавным, чем было на самом деле. Она так смеялась, что даже присела на крыльцо книжного магазина «Уотерстон», чтобы перевести дух.

— Ну ладно, — сказал я, — а ты-то почему выбрала эту профессию?

— Потому что я хорошо это умею, — ответила Лесли.

— Скажешь, ты такой уж хороший полицейский?

— Еще какой! Давай будем объективными, я офигительно хороший полицейский.

— А я?

— А ты слишком рассеянный.

— Вовсе нет.

— Канун Нового года, Трафальгар-сквер, толпа народу, кучка недоумков мочится в фонтан — помнишь? Ситуация начала выходить из-под контроля, недоумки стали бузить — и что же поделывал ты?

— Я всего-то на пару секунд отлучился.

— Ты изучал надпись у льва на заднице! — припечатала Лесли. — Я пыталась скрутить пьяных гопников, а ты тем временем занимался историческими исследованиями!

— А хочешь узнать, что там было написано? — спросил я.

— Нет, — ответила Лесли, — не хочу. Ни про надпись на львиной заднице, ни про принцип работы сообщающихся сосудов, ни про то, почему одна сторона Флорал-стрит на сто лет старше другой.

— Неужели тебе не интересно?

— Мне, знаешь ли, просто не до этого, когда я скручиваю гопников, ловлю угонщиков или приезжаю на место аварии с летальным исходом. Ты мне нравишься, ты хороший человек — но, понимаешь, ты видишь мир вокруг не так, как его должен видеть полицейский. Ты как будто видишь что-то, чего нет на самом деле.

— Например?

— Ну, не знаю, — сказала Лесли, — я ведь не вижу того, чего нет.

— Между прочим, эта способность очень полезна для полицейских, — заметил я.

Лесли фыркнула.

— Нет, ну правда, — не унимался я, — вот прошлой ночью, пока ты потакала своей кофеиновой зависимости, я нашел свидетеля, которого на самом деле нет.

— Вот именно, — сказала Лесли.

— Но как может быть свидетелем человек, которого нет, спросишь ты?

— Спрошу.

— Может, если он — призрак!

Лесли уставилась на меня и пару секунд молчала.

— Моя версия — это был ответственный за камеры наружного наблюдения.

— Что? — не понял я.

— Ну, человек, который просматривал запись с камеры наружного наблюдения. Он и есть свидетель, которого там не было. Но эта выдумка про призрака мне нравится.

— Это не выдумка, я действительно допрашивал призрака, — сказал я.

— Какая чушь.

И тогда я стал рассказывать ей о Николасе Уоллпенни, об убийце, который прошел мимо жертвы, развернулся, сменил костюм и снес несчастному...

— Напомни-ка, как звали жертву?

— Уильям Скермиш, — ответила Лесли, — так сказали в новостях.

— ...и снес несчастному Уильяму Скермишу голову с плеч.

— А этого в новостях не говорили.

— Отдел расследования не хочет афишировать такие подробности, — сказал я. — Для сличения возможных показаний свидетеля.

— Это того, который призрак? — спросила Лесли.

— Именно.

Она поднялась со ступеньки, слегка пошатываясь, но потом снова обрела устойчивость и сфокусировала взгляд.

— Как думаешь, он сейчас еще там?

Холодный воздух наконец начал оказывать на меня отрезвляющее воздействие.

— Кто?

— Ну, этот твой призрак, как его — Николас Никлби¹? Может он еще быть там, на месте преступления?

— Откуда я знаю? — ответил я. — Я вообще в призраков не верю.

— Так пойдем и поищем, — предложила Лесли. — И если я тоже увижу его, это будет подтверд... тверж... довод, в общем.

— Ладно, — сказал я, — пойдем.

И мы с ней рука об руку пошли по Кинг-стрит в сторону Ковент-Гардена.

Тем вечером у церкви наблюдалось полнейшее отсутствие призрака по имени Николас. Мы взяли за исходную точку портик, у которого я встретил его. А поскольку Лесли, даже очень пьяная, не теряла ни капли полицейской дотошности, мы принялись методично прочесывать территорию площади при церкви, следуя по ее периметру.

— Нужна картошка, — проговорила Лесли, когда мы пошли по второму кругу. — Или кебаб.

— Может, он не появляется, потому что я не один? — предположил я.

— А может, сегодня просто не его смена, — отозвалась Лесли.

— Ну и хрен с ним, — сказал я. — Пошли возьмем по кебабу.

— Во Вспомогательном отделе ты добьешься успеха, — проговорила Лесли. — И кроме того, ты...

¹ *Николас Никлби* — герой воспитательного романа Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никлби».

— Попробуй только сказать: «Принесешь большую пользу» — и я за себя не отвечаю.

— Я хотела сказать: «Сможешь внести разнообразие», — сказала Лесли. — Сможешь, например, поехать в Штаты: я уверена, тебя возьмут в ФБР.

— На что я им?

— Ну, они могут сделать тебя «подсадной уткой» при Обаме.

— А вот за это ты угостишь меня кебабом, — сказал я.

Но в итоге у нас просто не хватило сил дойти до арабской забегаловки, и мы направились обратно в общежитие, где Лесли была уже не в состоянии пригласить меня к себе в комнату. Я же находился в той стадии алкогольного опьянения, когда лежишь, уставившись в потолок, а комната кружится перед глазами. А ты размышляешь то о природе Вселенной, то о раковине — успеешь ли добежать до нее прежде, чем тебя вывернет наизнанку.

Назавтра был мой последний выходной, последняя возможность доказать, что способность видеть то, чего нет, жизненно необходима современному офицеру полиции. Иначе — здравствуй, Вспомогательный отдел.

— Извини за вчерашний вечер, — сказала Лесли.

Нынче утром мы с ней оказались одинаково неспособны вынести ужасы общажной кухни — а поэтому нашли приют в столовой. Несмотря на то, что половину персонала столовой составляли пухленькие польки, а другую половину — тощие сомалийцы, здешняя кухня (наверное, так уж заведено в казенных учреждениях) представляла собой стандартный набор блюд английской забегаловки. Кофе был дрянной, зато чай — горячий, сладкий и подавался в кружках. Лесли выбрала классический английский завтрак, а я решил ограничиться чаем.

— Да ладно, — ответил я, — но ты много потеряла.

— Я не *это* имела в виду! — Она шлепнула меня по руке плоской стороной ножа. — А свои слова насчет того, какой из тебя полицейский.

— Не беспокойся, — сказал я. — Я принял к сведению твое мнение и, конструктивно обдумав его сегодня утром, нашел изящный, действенный, а главное, нестандартный способ добиться карьерного роста.

— И что же ты собираешься сделать?

— Взломать архив ХОЛМС с целью проверить показания того призрака, — ответил я.

* * *

В каждом полицейском участке есть хотя бы одна серверная с компьютерами, подключенными к системе ХОЛМС. Это Единая информационная система Министерства внутренних дел¹, которая позволила несведущим в информационных технологиях полицейским идти в ногу с последними годами двадцатого века. Однако рассчитывать, что они окажутся способны в этом смысле шагнуть в век двадцать первый, было бы слишком оптимистично.

В этой системе хранятся все данные, имеющие отношение к расследованию крупных преступлений, что позволяет следователям их сопоставлять и избегать путаницы вроде той, из-за которой охота за йоркширским потрошителем вышла такой резонансной. Новую версию этой системы хотели назвать ШЕРЛОК, но не смогли подобрать слова для расшифровки этой аббревиатуры. Поэтому просто назвали ее ХОЛМС-2.

Теоретически в ХОЛМС-2 можно зайти и с ноутбука, но в столичной полиции предпочитают, чтобы сотрудники заходили в эту систему со стационарных компьютеров, потому что их нельзя, например, забыть в поезде или заложить в ломбарде. Когда расследуется крупное преступление, эти компьютеры, бывает, переносят для удобства в диспетчерские. Мы с Лесли могли бы проникнуть непосредственно в серверную

¹ *Home Office Large Major Enquiry System* — сокращенно HOLMES. Аббревиатура полностью совпадает с написанием фамилии Шерлока Холмса.

с риском быть застигнутыми, но я решил просто подключить с ноутбука к локальной сети в одной из свободных диспетчерских — так гораздо проще и спокойнее.

Три месяца назад я проходил ознакомительный тренинг по системе ХОЛМС-2. Тогда это меня очень воодушевляло — я же думал, что меня, возможно, возьмут в отдел по расследованию крупных преступлений. Но теперь-то я понял, что меня просто готовили к работе по вводу данных в систему. Дело о случае в Ковент-Гардене я нашел меньше чем за полчаса. Люди часто очень несерьезно относятся к своим паролям. Вот и инспектор Неблетт для входа в систему вбил имя и дату рождения своей младшей дочери — просто вопиющее легкомыслие. Под его паролем нам были доступны для чтения искомые файлы.

В старой системе было слишком мало памяти для крупных файлов, но система ХОЛМС-2, созданная всего десять лет назад, пока не очень отстала от технического прогресса — следователи могут загружать туда фотографии улик, сканы документов и даже записи с камер видеонаблюдения. Для этих целей есть специальная папка «видеоматериалы по делу». Это как Youtube для копов.

Следователи из отдела расследования убийств, занимающиеся данным преступлением, конечно же, загрузили в «видеоматериалы по делу» запись с камеры наружного наблюдения. Это был большой тяжеленный файл, и я немедленно приступил к его изучению.

Согласно протоколу, камера находилась на углу Джеймстрит и была направлена на запад. Запись была некачественная, очень темная, со скоростью один кадр в секунду. Но даже при тамошнем слабом освещении можно было идентифицировать Уильяма Скермиша — он шел по направлению к Генриетт-стрит.

— А вот и подозреваемый, — проговорила Лесли.

На экране появился еще один силуэт — насколько изображение позволяло рассмотреть, мужчина в джинсах и кожаной

куртке. Он прошел мимо Уильяма Скермиша и исчез за нижней гранью экрана. В комментариях он был обозначен как свидетель А.

На экране появился третий человек — он шел в обратную сторону, удаляясь от камеры. Я нажал на паузу.

— Похоже, это кто-то другой, — сказала Лесли.

Однозначно: у этого второго на голове был колпак, как у Смурфиков, а одет он был во что-то вроде сюртука времен короля Эдуарда Седьмого¹. И не спрашивайте меня, откуда я знаю, что это именно сюртук и именно времен короля Эдуарда Седьмого. Что-то подобное было в сериале «Доктор Кто» — вот все, что я могу сказать. Николас сказал, что он красный, — но на черно-белой записи этого не было видно. Я отщелкал пару кадров назад, потом снова вперед. Первый, свидетель А, исчез из поля зрения — и через два кадра на экране уже появился второй, в смурфошляпе.

— Это просто невозможно, — сказала Лесли. — За две секунды он точно не успел бы переодеться.

Я кликнул на следующий кадр. Человек в смурфошляпе достал бейсбольную битку и осторожно зашел в тыл Уильяму Скермишу. Момент занесения биты пришелся на разрыв между кадрами, но сам удар было четко видно. Следующий кадр — тело Скермиша валится на землю, а у портика появляется небольшое темное пятно — несомненно, голова.

— Боже, он действительно снес ему голову с плеч, — проговорила Лесли.

В точности как сказал Николас.

— Но это же нереально, — возразил я.

— Ты уже видел, как человек лишается головы, — сказала Лесли. — Я тоже видела — помнишь?

— Автокатастрофа, — припомнил я. — Но там было две тонны железа, а здесь — бейсбольная битка.

¹ Эпоха правления короля Эдуарда Седьмого — 1901–1910 годы.

— Именно так, но факт остается фактом, — сказала Лесли, постучав пальцем по экрану.

— Тут что-то не так.

— Конечно, не так — убийство зверское, этого тебе недостаточно?

Я кликнул обратно — на экране снова появился Смурфошляпа.

— Ты можешь разглядеть тут биты?

— Нет, — отозвалась Лесли. — Обе руки у него свободны — может, он повесил ее за спину?

Я снова нажал на клавишу. На третьем кадре бита возникла в руках у Смурфошляпы из ниоткуда, как по волшебству, — но это мог быть просто визуальный эффект, вызванный секундным разрывом между кадрами. И все равно что-то было не так.

— Эта штука гораздо больше любой бейсбольной биты, — сказал я.

Бита была всего на треть короче того, кто ее держал. Я пару раз щелкнул клавишами туда-сюда, но так и не понял, откуда он ее достал.

— Да, похоже, этот парень любит говорить очень тихо¹, — заметила Лесли.

— В каком же магазине продаются биты такого размера?

— В «Планете бит»? — предположила Лесли. — Или в «Великанских битах»?

— Давай-ка глянем, может, где-нибудь видно его лицо?

— Или в «Битах-Икс-Икс-Эль»? — не унималась Лесли.

Не удостоив ее ответом, я снова кликнул вперед. Весь процесс убийства занял три секунды, уложившись, соответственно, в три кадра записи: замах, удар и падение. На четвертом кадре было видно лицо Смурфошляпы — почти в профиль,

¹ Западноафриканская пословица «Говори тихо, но держи в руках большую дубинку, и ты далеко пойдешь» процитирована в речи Т. Рузвельта в отношении стран Латинской Америки. Идеология Большой дубинки — политика силового вмешательства.

можно было различить выступающий подбородок и крупный крючковатый нос. На следующем он уже двинулся обратно, и гораздо медленнее, чем шел к месту убийства. Изображение было нечетким и слегка дрожало — но мне показалось, что шел он абсолютно спокойно. Бита исчезла из его рук спустя два кадра после убийства — и я опять-таки не понял, куда и каким образом.

Я решил увеличить картинку с лицом и стал искать программу, с помощью которой это можно сделать.

— Идиот, — проговорила Лесли. — Отдел убийств наверняка уже все сделал сам.

Она оказалась права. Файл с видеозаписью содержал ссылки на увеличенные изображения Уильяма Скермиша, свидетеля А и Смурфошляпы. В этом и заключается основное преимущество видеозаписи перед телевидением — можно увеличить кадр на сколько угодно. Не важно, цифровая запись или нет, — если данные есть, с ними можно работать. Ребята из фотолаборатории постарались на совесть — несмотря на всю нечеткость изображения, было понятно, что это три разных человека.

— Получается, он был в маске, — сказал я.

— Опять твои фантазии, — отозвалась Лесли.

— Нет, ты взгляни на этот нос, — возразил я. — И подбородок тоже — разве у человека может быть такое лицо?

— Похоже, в отделе убийств с тобой согласны, — Лесли указала на примечание к увеличенным кадрам. Оно содержало список действий, связанных с расследованием этого дела. Одним из этих действий была проверка масок в театральных костюмерных, ателье и карнавальных магазинах. Этот пункт значился как второстепенный.

— Ага! — воскликнул я. — Так, значит, это все же мог быть один человек?

— Но скажи на милость, как можно успеть переодеться за две секунды? — поинтересовалась Лесли.

Поскольку файл содержал ссылки на все материалы по делу, я быстренько проверил, удалось ли отделу убийств

выяснить, куда скрылся свидетель А. Оказалось, что нет, не удалось, и в списке дальнейших действий его поиски были на первом месте. Я не сомневался: будет пресс-конференция, объявят о поиске свидетелей. «Полиция крайне заинтересована в том, чтобы опросить» — как же без этого.

Что касается Смурфошляпы, то камера отследила его перемещение по Нью-роу, что опять же совпадает со словами Николаса. Но потом, перед камерой на Сент-Мартинс-лейн, он исчез. Согласно списку действий, половина состава отдела расследования убийств сейчас прочесывала этот район в поисках улик и потенциальных свидетелей.

Лесли поглядела на меня и поняла, что я собираюсь сидеть.

— Не надо, — проговорила она.

— Николас...

— Николас-призрак, — вставила Лесли.

— Николас-бестелесный, — с нажимом продолжил я, — дал верные сведения о появлении убийцы, точно описал само убийство, назвал причину смерти. Он также был прав насчет того, куда убийца скрылся, а между тем у нас нет ни одного кадра, на котором были бы одновременно Смурфошляпа и свидетель А.

— Смурфошляпа?

— Подозреваемый, — сказал я. — Я должен сообщить об этом в отдел расследования убийств.

— И что же ты, интересно, скажешь старшему следователю? — спросила Лесли. — Мол, я видел призрака, который утверждает, что убийца — свидетель А, надевший маску?

— Нет. Скажу, что ко мне подошел предполагаемый свидетель, который, хотя и скрылся, прежде чем я успел записать его имя и адрес, тем не менее выдал потенциально интересную версию, способную в дальнейшем способствовать раскрытию данного преступления.

После моей тирады Лесли немного помолчала. Потом спросила:

— И ты надеешься, это поможет тебе не попасть во Вспомогательный отдел?

— Попытка — не пытка.

— Подожди, этого же недостаточно, — возразила Лесли. — Во-первых, они уже отрабатывают версии по свидетелю А — включая возможность того, что он имел при себе маску. Во-вторых, ты мог узнать все это, просто-напросто просмотрев видеоматериалы.

— Но они же не знают, что я подобрал пароль.

— Питер, — проговорила Лесли, — на записи один человек снес другому голову. К концу дня это видео расплзется по всему Интернету, если только не попадет еще раньше в вечерние новости.

— Тогда, — ответил я, — у меня появятся новые версии.

— Ты снова собрался искать того призрака?

— Составишь компанию?

— Нет уж, — сказала Лесли. — Завтра самый важный день в моей карьере, и я собираюсь сегодня пораньше отправиться в постель с чашкой горячего шоколада и Блэкстоновским «Справочником полицейского следователя».

— Ну и ладно, — сказал я. — Все равно он, по-моему, в прошлый раз тебя испугался.

Итак, экипировка охотника за призраками должна включать в себя: термобелье (предмет первостепенной важности), термос, терпение. Ах да, еще нужен призрак.

Достаточно быстро я осознал, что большей глупости не совершал, наверное, никогда в жизни. Около десяти я занял наблюдательный пункт номер один — сел за столик в кафе и стал ждать, пока посетители разойдутся. Когда же кафе закрылось, я неспешно подошел к церковному портику и опять стал ждать. Снова было очень холодно, а значит, подумал я, нетрезвые граждане будут не в настроении устраивать потасовки на улице. Мимо прошла компания подвыпивших девиц — человек двенадцать, все в огромных розовых футболках, в заячьих ушах

и на высоких каблуках. Их бледные ноги покрылись пятнами от холода. Одна, оглянувшись, заметила меня.

— Шел бы ты домой! — крикнула она. — Он все равно не придет.

Ее подруги визгливо захохотали. «Все симпатные парни — голубые» — донеслось до меня.

Через некоторое время я понял, о чем они, — когда увидел человека на другой стороне площади у церкви. Он стоял и смотрел на меня. С появлением большого количества гей-клубов, пабов и тематических чатов одиноким мужчинам стало не нужно холодными темными вечерами бродить возле общественных туалетов и кладбищ в поисках парня на ночь. Но некоторым все равно нравится, несмотря на риск отморозить себе кое-что ниже пояса. Почему — это истинная загадка.

Ростом он был примерно метр восемьдесят — по-старому шесть футов, — на нем был великолепный костюм, подчеркивающий широкие плечи и тонкую талию. На вид лет сорок с небольшим, овальное лицо с правильными чертами, темные волосы, старомодно зачесанные на косой пробор. Мне показалось, что глаза у него серые, но четко разглядеть в свете фонарей было нельзя. В руке он держал трость с серебряным навершием, и можно было не глядя сказать, что ботинки на нем ручной работы. Единственное, чего ему не хватало, — это молодого цветного бойфренда, и я в случае чего был готов банальнейшим образом позвать полицию.

Он двинулся в мою сторону, и я решил, что он таки ищет себе молодого цветного бойфренда.

— Добрый вечер, — сказал он. Выговор у него был самый что ни на есть классический, как у английских злодеев в голливудских фильмах. — Чем вы тут занимаетесь?

Я решил не врать.

— Охочусь на призрака.

— Занятно. На какого-то определенного призрака?

— Да, его зовут Николас Уоллпенни.

— Ваше имя и адрес?

Ни один нормальный лондонец не станет за просто так отвечать первому встречному на подобный вопрос.

— Простите?

Человек достал из кармана пиджака визитницу.

— Томас Найтингейл, шеф-инспектор отдела расследования убийств, — представился он, показав мне удостоверение

— Констебль Питер Грант, — проговорил я в ответ.

— Участок Чаринг-Кросс?

— Да, сэр.

Он улыбнулся странной улыбкой.

— Работайте дальше, констебль, — сказал он и, развернувшись, неспешно направился в сторону Джеймс-стрит.

Ура. Я только что сообщил шеф-инспектору отдела расследования убийств, что охочусь за призраками. Соответственно, если он поверил, то решил, что у меня поехала крыша. А если нет — подумал, что я тут пытаюсь снять какого-нибудь парня, дабы предаться непристойным действиям в нарушение общественного порядка.

Между тем искомый призрак так и не соизволил появиться.

Вам когда-нибудь случалось убежать из дома? Я за свою жизнь проделал это дважды. В первый раз в девять лет — и тогда я дошел лишь до универмага «Аргос» на Кэмден-Хай-стрит. А второй раз, в четырнадцать, аж до железнодорожной станции «Истон» — и уже просматривал расписание, как вдруг решил вернуться. Ни в первый, ни во второй раз меня не искали, чтобы отвести домой, — и в обоих случаях я сомневался, что мама замечала мое отсутствие. Насчет папы сомнений не было — он уж точно не замечал.

Оба этих приключения имели одинаковый финал — я просто-напросто успевал осознать, что мне все равно придется вернуться домой. В девять лет магазин «Аргос» был для меня границей изведанного мира. Дальше, за этой гранью, была станция метро и большое здание со статуями кошек, а еще дальше — другие улицы, по которым катили автобусы, везущие

людей в унылые и пустые, пропахшие пивом клубы в подвальных этажах.

В четырнадцать я был уже более сознательным. У меня не было знакомых ни в одном городе из железнодорожного расписания — и я сомневался, что если уеду куда-нибудь, мне там будет лучше, чем в Лондоне. Денег у меня, вероятно, хватило бы только на билет до городка Поттерс-Бар, и даже если бы я умудрился проехать зайцем — на что бы я купил себе еды? Строго говоря, денег было достаточно, чтобы поесть раза три, — но потом все равно пришлось бы возвращаться к маме с папой. Таким образом, я просто медлил, не спеша садиться в автобус, оттягивая момент возвращения домой.

Вот и сейчас, в три часа ночи в Ковент-Гардене, на меня накатило сходное ощущение. Все возможные варианты развития событий сводились назад к одному-единственному. Неизбежному. Не судьба мне разъезжать на красивой машине и говорить злоумышленникам: «Вот ты и попался, приятель». Я отправлюсь во вспомогательный отдел приносить «большую пользу».

Развернувшись, я поплелся назад, в участок.

Мне послышалось, что за спиной у меня кто-то тихонько засмеялся.

С СОБАКОЙ ЗА ПРИЗРАКОМ

Наутро Лесли поинтересовалась, как прошла моя охота за призраком. Мы с ней околачивались возле кабинета Небблета — места, откуда должен был последовать решающий удар судьбы. Вообще-то нам не полагалось там находиться, но продлевать мучения было невыносимо.

— Вообще в жизни есть кое-что и похуже Вспомогательного отдела, — сказал я.

Пару минут мы молчали, обдумывая эту мысль.

— Пробки, — сказала Лесли. — Они действительно хуже.

— Да, зато ты будешь кататься на хороших машинах, — возразил я, — на «БМВ-5» или на «Мерседесе» М-класса.

— Какой же ты все-таки меркантильный, Питер, — поморщилась Лесли.

Я хотел было возмутиться в ответ, но тут дверь кабинета открылась, и на пороге возник Неблетт. Похоже, он ничуть не удивился, увидев нас. Протянул Лесли письмо, но она почему-то совсем не торопилась его распечатывать.

— Вас ждут в Белгравии¹, — сказал Неблетт, — отправляйтесь немедленно.

В Белгравии находится офис Вестминстерского отдела по расследованию убийств. Лесли нервно помахала мне и вприпрыжку побежала по коридору.

¹ *Белгравия* — аристократический район Вестминстера к юго-западу от Букингемского дворца.

— Вот настоящая гроза воров, — провожая ее взглядом, проговорил Неблетт. Потом повернулся ко мне и нахмурился. — А вот вас, — сказал он, — я даже не знаю, как назвать.

— Я инициативный сотрудник, который принесет управлению большую пользу, сэр, — подсказал я.

— Наглый пройдоха, вот вы кто, — буркнул Неблетт. Мне он протянул не конверт, а листок бумаги. — Будете работать с шеф-инспектором Томасом Найтингейлом.

Листок содержал адрес и название суши-бара на Нью-роу.

— На какое подразделение я буду работать? — спросил я.

— Насколько я знаю, на отдел расследования экономических и профессиональных преступлений, — ответил Неблетт. — Там хотят, чтобы вы работали в штатском. Советую приступить как можно скорее.

Отдел расследования экономических и профессиональных преступлений — как общая корзина для бумаг, куда попадают дела из самых разных спецподразделений — от связанных с искусством и антиквариатом до иммиграционных и «компьютерных». Но что самое главное — Вспомогательного отдела среди них нет. И я решил действительно поторопиться, пока он не передумал, — но прошу заметить: удалился с достоинством, а не бросился бежать, в отличие от некоторых.

Нью-роу — узкая пешеходная улица между Ковент-Гарденом и Сент-Мартинс-лейн, пролегает от супермаркета «Теско» до театров. Где-то посередине улицы, между частной художественной галереей и магазином женской спортивной одежды, втиснулся ресторанчик «Токио-Го-Го». В его узком и тесном зале едва хватает места для столиков в два ряда. Оформлен он в стиле традиционного японского минимализма — полированный деревянный пол, столы и стулья также из лакированного дерева, повсюду прямые углы, в декоре преобладает рисовая бумага.

Найтингейл обнаружился за дальним столиком, перед ним стоял коричневый лакированный поднос-бенто. Я подошел,

инспектор поднялся и протянул мне руку. Я сел напротив, и он спросил, не голоден ли я. Я ответил — «нет, спасибо». Когда я нервничаю, то никогда не ем холодный рис. Найтингейл заказал чай и спросил, не возражаю ли я, если он закончит обедать.

Я сказал: «Нет, конечно», — и он вновь принялся ловкими движениями палочек извлекать еду из своего бенто.

— Вы его дождались? — внезапно спросил инспектор.

— Кого?

— Вашего призрака, — сказал он, — Николаса Уоллпенни. Он шпион, вор и плут. Последний из прихода Святого Джайлса Рискнете предположить, где его могила?

— На кладбище церкви актеров?

— Точно, — сказал Найтингейл и ловко подцепил палочками ролл с уткой. — Так он появлялся снова?

— Нет, больше не появлялся, — ответил я.

— Призраки такие непредсказуемые, — проговорил он. — Как свидетели они очень ненадежны.

— Вы хотите сказать, они существуют?

Найтингейл аккуратно вытер губы салфеткой.

— Вы разговаривали с одним из них, — напомнил он, — так что вы думаете по этому поводу?

— Я бы хотел получить подтверждение старшего по званию.

Он отложил салфетку и взял с подноса свою чашку.

— Призраки существуют, — проговорил он и отхлебнул чай.

Я изумленно уставился на него. Сам я не верил ни в призраков, ни в фей, ни в богов — но в последние пару дней у меня было чувство, словно я смотрю выступление иллюзиониста: вот-вот откуда-нибудь из-за занавеса появится фокусник и предложит мне вытянуть любую карту. Я совсем не был готов к тому, чтобы поверить в существование призраков, — просто если видишь что-то своими глазами, волей-неволей веришь, что оно есть.

А вдруг они и вправду есть?

— То есть вы сейчас хотите мне сказать, что в столичной полиции есть некое спецподразделение, которое занимается призраками, вурдалаками, феями, демонами, ведьмами и колдунами, эльфами и гоблинами? Если что, остановите меня, а то я перечислю всех сверхъестественных существ, каких знаю, — проговорил я.

— Вы даже еще толком не начали, — ответил он.

— Пришельцы? — предположил я, чтобы хоть что-то сказать.

— Нет, пока нет.

— А спецподразделение — оно есть?

— К сожалению, только в моем лице, — сказал инспектор.

— А в чем же будет заключаться моя... служба?

— Вы будете мне помогать, — ответил он, — в расследовании этого дела.

— Так вы считаете, в этом убийстве было что-то сверхъестественное?

— Давайте вы расскажете мне о показаниях вашего свидетеля, — предложил Найтингейл, — а там видно будет.

И я рассказал ему о Николасе, о том, как убийца переоделся, прежде чем напасть, о записи с камеры наружного наблюдения и о том, что об этом думают в отделе расследования убийств. Когда я умолк, Найтингейл подозвал официантку и попросил счет.

— Жаль, я не знал этого всего вчера, — сказал он. — Можно было еще успеть найти следы.

— Какие следы, сэр? — удивился я.

— Следы сверхъестественного, — ответил он. — Они всегда остаются.

Ездил Найтингейл на самом настоящем «Ягуаре-Марк-2», с двигателем ХК6 на 3,8 литра. Мой папа ради возможности купить такую машину продал бы свою трубу — а тогда, в шестидесятые, это значило немало. Машина была не новая — несколько вмятин на корпусе и здоровенная царапина через всю водительскую дверь. Кожа салона тоже уже начала трескаться,

но когда Найтингейл завел мотор, шестицилиндровый двигатель издал совершенно идеальный рокот, мягкий и мощный.

— Я знаю, вы сдавали естественные науки по программе А, — сказал Найтингейл, вырывая с парковки. — Почему не стали поступать?

— Отвлекся от занятий, сэр, — ответил я. — Туда, куда я хотел поступить, с моими баллами не брали.

— Неужели? Что же вас отвлекло? — спросил он. — Не музыка ли? Возможно, вы играли в какой-то группе?

— Нет, сэр, все было далеко не так интересно, — сказал я.

Мы проехали Трафальгар-сквер, и неброский значок столичной полиции на лобовом стекле машины позволил нам быстро, минуя пробки, проскочить Молл и Букингемский дворец и выехать к Виктория-стрит. Отсюда мы могли отправиться только в два места — либо в Вестминстерский полицейский участок, где находится оперативный штаб отдела по расследованию убийств, либо в Вестминстерский морг, куда отвезли тело убитого. Я очень надеялся на первое, но, разумеется, это оказался морг.

— Но вы владеете научными методами, не так ли? — спросил Найтингейл.

— Разумеется, сэр, — ответил я. А сам подумал — надо бы почитать в Сети про Бэкона, Декарта и Ньютона. Наблюдения, гипотезы, эксперименты — все, что найду, когда доберусь до ноутбука.

— Отлично, — сказал Найтингейл. — Мне нужен кто-то, кто способен мыслить ясно и объективно.

— «Ну точно в морг», — подумал я.

Официально это место называется Центр судмедэкспертизы имени Иэна Веста. Оно олицетворяет стремление Министерства внутренних дел превратить один из муниципальных моргов в роскошное заведение, как в американских фильмах. Чтобы неопрятные полицейские не умудрились как-нибудь запачкать тела и этим испортить улики, здесь созданы специальные смотровые, в которых установлены

телеэкраны. Изображение транслируется туда непосредственно из операционной, где производится вскрытие. Таким образом, даже самые жуткие случаи воспринимаются не так тяжело и больше напоминают чернушный документальный фильм. Меня это более чем устраивало, но Найтингейл, напротив, сказал, что нам необходимо увидеть труп своими глазами.

— Зачем? — спросил я.

— Затем, что кроме зрения есть и другие формы восприятия, — сказал Найтингейл.

— Вы имеете в виду экстрасенсорное восприятие?

— Будьте готовы ко всему, — последовал ответ.

Лаборанты заставили нас облачиться в чистые халаты и надеть маски и только потом допустили в лабораторию. Мы не были родственниками погибшего, поэтому ради нас не стали прикрывать простыней место, где голова отделена от тела. И я вдруг очень порадовался, что не стал ничего есть в том ресторанчике.

Уильям Скермиш, судя по всему, был ничем не примечательным человеком. Средних лет, среднего роста, рыхлый, но не полный. Вопреки ожиданиям, мне не было страшно смотреть на отрезанную голову, на рваный край рассеченных мышц и кожи посередине шеи. Все считают, что первый труп, который видит полицейский, — это жертва убийства, но обычно это бывают погибшие в автокатастрофах. Я впервые увидел труп на второй день своей работы, когда курьера на велосипеде переехал грузовик, оторвав ему голову. После такого не то чтобы привыкаешь к виду трупов, но понимаешь, что всегда может быть еще страшнее. Я, конечно, смотрел на безголового мистера Скермиша без всякого удовольствия, но ожидаемого отвращения тоже не ощущал.

Найтингейл склонился над телом — так низко, что его лицо почти соприкоснулось с изуродованной шеей трупа. Покачав головой, он повернулся ко мне.

— Помогите перевернуть его.

Я совсем не хотел прикасаться к мертвому телу, даже в резиновых перчатках, — но трусить и отказываться было поздно. Тело оказалось тяжелее, чем я ожидал, — холодное, негнущееся. Я перевернул его на живот — оно легло на стол с тихим шлепком. Я поспешно отпрянул, но Найтингейл сделал мне знак снова подойти к столу.

— Мне нужно, чтобы вы как можно ближе наклонили голову к его шее, закрыли глаза и сказали мне, что чувствуете.

Я не двинулся с места.

— Честное слово, вы сразу все поймете, — пообещал инспектор.

Маска и защитные очки оказались очень кстати, иначе бы я точно поцеловался с этим мертвым типом. Я закрыл глаза, как было велено. Вначале чувствовались лишь запахи спирта, медицинской стали и свежевывмытой кожи, но потом к ним примешалось что-то другое. Ощущение присутствия чего-то вертялявого, лохматого, с мокрым носом и виляющим хвостом.

— Итак? — поинтересовался Найтингейл.

— Собака, — ответил я. — Маленькая брехливая собачонка.

Рычание, лай, крик, булыжники мостовой, мелькнувшие перед глазами, удары палки, смех — визгливый, сумасшедший хохот.

Я резко выпрямился.

— Нападение, потом смех? — спросил Найтингейл.

Я кивнул.

— Но что это было? — спросил я.

— Это сверхъестественное, — ответил инспектор. — Оно оставляет некий след, воспоминание. Если вы посмотрите на яркий свет, а потом закроете глаза, — ощущение останется. Так и здесь. Мы называем это «вестигий» — след, отпечаток.

— А как узнать, что мне не показалось? — спросил я.

— Это приходит с опытом, — сказал Найтингейл. — Со временем научитесь.

К счастью, на этом мы закончили и вышли из смотровой комнаты.

— Но я почти ничего не почувствовал, — сказал я, пока мы переодевались. — Они всегда настолько слабые, эти следы?

— Тело пролежало в холодильной камере два дня, — ответил инспектор, — а трупы не очень хорошо держат вестигии.

— Значит, его появление было вызвано чем-то очень мощным, — предположил я.

— Именно, — согласился Найтингейл. — Из этого следует, что собака играет здесь какую-то важную роль, и нам необходимо выяснить, какую.

— Возможно, это была собака мистера Скермиша?

— Возможно, — сказал Найтингейл. — Давайте с этого и начнем.

Мы переоделись и уже выходили из морга — но тут нас подстерегло несчастье.

— Поговаривают, здесь здорово воняет, — сказал кто-то позади нас. — И чтоб я сдох, если это не так!

Мы замедлили шаг и повернулись.

Шеф-инспектор Александер Сивелл имел два метра роста, грудь колесом, пивное брюхо и голос, от которого дребезжали стекла. Он приехал откуда-то из Йоркшира, и, как для многих истинных северян, переезд в Лондон был для него дешевой альтернативой психиатрической лечебнице. У него была определенная репутация — согласно ей, с ним никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя пререкаться. Он несся на нас, как племенной бык, и, глядя на него, я с трудом подавил желание спрятаться за Найтингейла.

— Найтингейл, это долбаное дело расследую я! — прогремел Сивелл. — Мне плевать, чем вы занимаетесь, но я не позволю, чтобы вы лезли со своей паранормальной хренью в работу настоящей полиции.

— Уверяю вас, инспектор, — ответил Найтингейл, — я не собираюсь вмешиваться в ваше расследование.

Тут Сивелл заметил меня.

— А это еще кто, черт возьми? — спросил он.

— Констебль Питер Грант, — сказал Найтингейл. — Мы теперь работаем вместе.

Насколько я понял, Сивелл был изумлен. Он очень внимательно посмотрел на меня, потом снова повернулся к Найтингейлу.

— Вы что, взяли ученика?

— Окончательное решение пока не принято.

— Еще посмотрим, — сказал Сивелл. — Есть соглашение, не забывайте.

— Соглашение было, — сказал Найтингейл, — но обстоятельства изменились.

— Черта с два, не так уж они и изменились, — буркнул Сивелл. Как мне показалось, уже не так уверенно.

Он снова повернулся ко мне.

— Послушайся моего совета, сынок, — тихо сказал он. — Сваливай-ка подальше от этого типа, пока не поздно.

— Я могу чем-то еще помочь вам, инспектор? — спокойно спросил Найтингейл.

— Не лезьте в мое расследование, и все, — бросил Сивелл.

— У меня есть доступ всюду, куда нужно, — сказал Найтингейл. — Таковы условия соглашения.

— Обстоятельства, черт их возьми, *могут* и измениться, — проговорил Сивелл. — А теперь прошу прощения, джентльмены, я спешу на промывание прямой кишки.

Сказав это, он развернулся, пронесся по коридору и вышел вон, оглушительно хлопнув створчатыми дверьми.

— А что это за соглашение, о котором вы говорили? — спросил я.

— Неважно, — уклонился от ответа Найтингейл. — Давайте лучше попробуем отыскать ту собаку.

Над районом Кэмден возвышаются два холма — Хэмпстед на востоке, а Хайгейт на западе. Между ними гигантской зеленой седловиной пролегает Хит, один из самых больших парков Лондона. Склоны обоих холмов спускаются к Темзе и к пойме, над которой высится центральная часть Лондона.

Дартмут-парк, где проживал Уильям Скермиш, находится на самом пологом склоне Хайгейта, в шаговой доступности от Хита. Скермиш жил на усаженной деревьями тихой улице, по которой почти не ездили машины. Его квартира на первом этаже углового дома была перестроена из веранды времен королевы Виктории.

Ниже по склону Хайгейта находится Кентиш-таун, Лейтон-роуд и район, где я вырос. Соответственно, это место мне хорошо знакомо — кое-кто из моих бывших одноклассников жил в двух шагах от дома Скермиша.

Мы продемонстрировали консьержу в форме наши удостоверения, и в этот момент за занавеской в окне второго этажа мелькнуло чье-то лицо. Как и во многих перестроенных домах, стены когда-то элегантного холла залепили гипсокартоном, отчего он стал казаться темным и тесным. Дополнительные передние двери сняли. Дверь справа была приоткрыта, но лента, стягивающая проем, красноречиво говорила, что вход опечатан полицией. Левая дверь, очевидно, вела наверх, в ту квартиру с занавеской в окне.

У Скермиша было чистое, аккуратное жилище. Обстановка представляла собой смешение стилей, обычное для человека, лишенного чрезмерных амбиций. Книжных стеллажей в доме журналиста могло бы быть и побольше. Фотографий, наоборот, много, но все детские портреты — черно-белые либо абсолютно выцветшие — сделаны допотопной «мыльницей» «Кодак».

— Большинство людей ведет безнадежное существование, — произнес Найтингейл. Я сразу понял, что это цитата, но не собирался доставлять ему удовольствие вопросом, откуда именно.

Шеф-инспектор Сивелл при всех своих недостатках был далеко не дурак. Отдел расследования убийств провел здесь большую работу — и это заметно. На телефоне, на рамках с фотографиями и ручках дверей остались следы дактилоскопического порошка. Книги, вынутые из стеллажей, были по-

ставлены обратно вверх ногами. Последнее почему-то разозлило Найтингейла гораздо сильнее, чем можно было ожидать.

— Какая небрежность, — сказал он.

Ящики стола были выдвинуты — их исследовали и оставили чуть приоткрытыми, чтобы не спутать, какие осмотрены, а какие еще нет. Все данные, имевшее потенциальную ценность, были зафиксированы и внесены в систему ХОЛМС (скорее всего, беднягами вроде Лесли), но в отделе расследования убийств ничего не знали о моих экстрасенсорных способностях и вестигии лающей собаки.

А собака-то была. Либо сам Скермиш питал слабость к корму «Лакомые кусочки» в аппетитном соусе — но сомневаюсь, что его безнадежное существование принимало такие формы.

Я набрал номер Лесли.

— Ты рядом с ХОЛМСом?

— Не вылезая отсюда, с тех пор как приехала, чтоб его черти взяли, — сказала она. — Мне поручили ввод данных и проверку показаний, так ее растак.

— Да ладно, — проговорил я, стараясь не слишком злорадствовать, — а угадай, где я?

— В квартире Скермиша, в Дартмут-парке, так его растак, — проворчала Лесли.

— А ты откуда знаешь?

— Оттуда. Шеф-инспектор Сивелл у себя в кабинете только об этом и орет, аж через стену слышно, — ответила она. — Кто такой инспектор Найтингейл?

Я скосил глаза — Найтингейл выжидающе смотрел на меня.

— Я тебе потом расскажу, — ответил я. — Нам тут нужна кое-какая информация, ты можешь посмотреть?

— Конечно, — сказала Лесли, — что тебя интересует?

— Когда группа из отдела убийств обыскивала квартиру, они обнаружили здесь собаку?

Я слышал в трубке шелканье клавиш — Лесли просматривала нужные файлы.

— Никакая собака в отчете не упоминается, — ответила она наконец.

— Спасибо, — сказал я. — Ты нам очень помогла

За это ты сегодня угостишь меня выпивкой, — буркнула она и положила трубку.

Я сообщил Найтингейлу, что никакой собаки не было.

— Ну тогда пойдемте навестим любознательную соседку, — предложил он. Очевидно, тоже заметил лицо в окне, когда мы заходили.

У входной двери над звонками был установлен домофон. Не успел Найтингейл нажать на кнопку, как раздался писк, дверь открылась, и голос в решетке домофона произнес: «Заходите, пожалуйста». Еще один сигнал — и вторая дверь тоже открылась. За ней обнаружилась лестница — пыльная, но в целом довольно чистая. Мы стали подниматься и тут услышали лай маленькой собачки. Дама, встретившая нас наверху, не закрашивала седину фиолетовой краской. Откровенно говоря, я плохо себе представляю, как выглядят волосы, выкрашенные фиолетовой краской, и почему вообще считается, что это хорошо. У нее не было ни митенок, ни стада кошек — но что-то в ее облике подсказывало: в недалеком будущем, возможно, появится и то и другое. Однако пока она казалась очень высокой и подтянутой для пожилой леди и ничуть не выглядела дряхлой. Она назвалась миссис Ширли Пэлмарон.

Нас пригласили в гостиную — судя по мебели, последний раз перестановка здесь была где-то в семидесятых — и предложили нам чаю с печеньем. Пока хозяйка суетилась на кухне, собака — короткошерстный бело-коричневый метис терьера — виляла хвостом и без конца лаяла. Похоже, никак не могла понять, кто из нас двоих представляет наибольшую угрозу, — а потому вертела головой, глядя то на меня, то на Найтингейла, и не умолкала ни на секунду. В конце концов инспектор направил на нее указательный палец и прошептал что-то себе под нос. Животное тут же улеглось на бок и уснуло.

Я глянул на Найтингейла, но тот только молча приподнял бровь.

— Тоби уснул? — спросила миссис Пэлмарон, заходя в гостиную. В руках у нее был поднос с чаем. Найтингейл тут же встал, чтобы помочь ей примостить его на журнальном столике. Подождал, пока хозяйка сядет, только потом вернулся на свое место.

Тоби дернул лапой и заворчал во сне. Окончательно успокоить эту собаку могла, наверное, только смерть.

— Очень беспокойный пес, верно? — проговорила миссис Пэлмарон, разливая чай.

Теперь, когда Тоби лежал относительно тихо, я огляделся вокруг и подумал, что эта квартира мало похожа на дом собачницы. На камине в рамках стояли фотографии мистера Пэлмарона и, вероятно, детей — но никаких кружевных салфеток и ситцевой обивки. На диване не было ни шерстинки, собачья корзина у камина также отсутствовала. Я достал блокнот и ручку.

— Это ваш пес? — спросил я.

— О господи, нет, конечно, — сказала миссис Пэлмарон. — Он принадлежал мистеру Скермишу, бедняге, а теперь вот я взяла его к себе. Он вообще-то хороший, если к нему привыкнуть.

— Он появился здесь до гибели мистера Скермиша? — спросил Найтингейл.

— О да, — с облегчением призналась старая дама, — видите ли, Тоби у нас скрывается от правосудия. У него тут политическое убежище.

— И какое же преступление он совершил? — поинтересовался Найтингейл.

— Его разыскивают за нанесение тяжких телесных повреждений, — ответила миссис Пэлмарон. — Он укусил человека. Прямо за нос. Даже полицию вызывали.

Она глянула на Тоби — тот во сне увлеченно гонялся за крысами.

— Так-то, дружок, — сказала она, — если б я тебя не приютила, светила бы тебе тюрьма, а потом и усыпление.

Я связался с участком в Кентиш-тауне, оттуда меня соединили с участком Хэмпстеда, и там я узнал, что да, действительно, был такой вызов: перед самым Рождеством в парке Хит собака напала на человека. Потерпевший не стал подавать заявление. Больше никакой информации по данному случаю не было, но мне сообщили имя и адрес пострадавшего: Брендон Коппертаун, Дауншир-хилл, Хэмпстед.

— Вы заколдовали эту собаку, — сказал я, как только мы вышли на улицу.

— Совсем немного, — ответил Найтингейл.

— Так, значит, магия существует. Но тогда получается, вы... кто?

— Волшебник.

— Как Гарри Поттер?

Найтингейл вздохнул.

— Нет, — проговорил он. — Не как Гарри Поттер.

— В каком смысле?

— Я не плод писательского воображения, — был ответ.

Сев обратно в «Ягуар», мы направились на запад. объехали по южной окраине Хит, потом свернули на север и стали подниматься на Хэмпстед. Верхняя часть его склона представляет собой лабиринт узких улочек, сплошь забитых «БМВ» и разными джипами. Стоимость домов исчисляется в семизначных цифрах. Если здесь и есть место безнадежному существованию, то оно, скорее всего, связано с вещами, которые нельзя купить за деньги.

Найтингейл оставил машину на парковке для жильцов, и мы принялись подниматься по Дауншир-хилл в поисках нужного дома. Им оказался один из величественных викторианских особняков, расположенных на северной стороне дороги. Очень красивый дом, в готическом стиле, с эркерами и ухоженным садом вокруг. Дом был двухквартирным, но,

судя по отсутствию домофона, целиком принадлежал Коппертаунам.

Подойдя к входной двери, мы услышали детский плач — монотонный писклявый вой, который обычно учиняет младенец, твердо вознамерившийся поплакать как следует и способный заниматься этим целый день напролет. В таком шикарном доме я ожидал увидеть няню или, по крайней мере, экономку — но женщина, которая открыла нам дверь, выглядела совершенно измученной, ни горничные, ни экономки такими не бывают.

Августа Коппертаун, лет тридцати или около того, была высокой светловолосой датчанкой. Последнее стало нам известно почти сразу — она не замедлила упомянуть свою национальность в разговоре. До появления ребенка у нее была подтянутая, спортивная фигура, но роды сделали свое дело — бедра раздались, на ляжках отложился жир. Эти обстоятельства она тоже упомянула, и тоже почти сразу. И во всем этом, по ее глубокому убеждению, были виноваты англичане, которые не поддерживают в своей стране высокие стандарты сервиса, достойные уважающей себя скандинавской женщины. Не знаю, что она имела в виду, — может, датские роддома все как один оборудованы спортзалами.

Августа принимала нас в столовой, куда вела проходная гостиная. Здесь был светлый деревянный пол и стены, отделанные вагонкой, — честно говоря, такое количество некрашеного дерева радует мой глаз исключительно в сауне. И, несмотря на все усилия хозяйки, присутствие младенца уже начало сказываться на стерильной чистоте и образцовом порядке этого дома. Под массивный дубовый сервант закатилась детская бутылочка, а на стереосистеме «Бэнг и Олафсен» валялись скомканые ползунки. Пахло прокисшим молоком и детской рвотой.

Младенец лежал в своей кроватке за четыре сотни фунтов и орал без умолку.

Семейные фото были со вкусом размещены над аккуратным гранитным камином, выполненным в минималистском стиле. Брендон Коппертаун оказался приятным мужчиной сорока с небольшим лет, с тонкими, изящными чертами лица. Как только миссис Коппертаун отлучилась на минутку, я тайком сфотографировал этот портрет на мобильный.

— Я и забыл, что так можно, — шепнул Найтингейл.

— Добро пожаловать в двадцать первый век, — отозвался я и добавил: — Сэр.

Миссис Коппертаун вернулась в гостиную, и инспектор вежливо встал. На этот раз я был готов и не замедлил последовать его примеру.

— Могу я узнать, кем работает ваш супруг? — поинтересовался он.

Супруг ее — телепродюсер, и довольно известный, — получал премии Британской академии кино и телевидения, сотрудничал с американскими компаниями. Это объясняло возможность выложить семизначную сумму за дом. Он мог бы достичь и большего, но его стремление покорить высоты мирового телепродюсирования безжалостно загубила местечковость британского телевидения. Если бы британцы делали передачи не только для своих сограждан или хотя бы подбирали более-менее привлекательных актеров, все могло быть не столь печально.

Комментарии миссис Коппертаун насчет закоснелости английского телевидения весьма впечатляли, однако мы были вынуждены задать вопрос касательно инцидента с собакой.

— Этого тоже следовало ожидать, — сказала миссис Коппертаун. — Разумеется, Брендон не стал подавать заявление — он же *англичанин*. Он предпочел все замять. Тем не менее полиция должна была привлечь к ответу хозяина собаки. Животное опасно для общества, это же очевидно, — оно вцепилось бедному Брендону прямо в нос.

Ребенок внезапно умолк, и мы вздохнули с облегчением — но оказалось, он прервался, только чтобы срыгнуть, после чего

продолжил вопить. Я повернулся к Найтингейлу и взглядом указал на кроватку. Возможно, подумал я, ребенка можно унять тем же методом, что и Тоби. Но инспектор в ответ только нахмурился. Наверное, к младенцам нельзя применять чары по этическим соображениям.

По словам миссис Коппертаун, до инцидента с собакой ребенок вел себя идеально. А сейчас — ну, сейчас у него, должно быть, зубки режутся, а может, колики или отрыжка мучает. Семейный врач не смог назвать причину и вообще не очень любезно разговаривал с ней. Наверное, лучше будет подыскать частного доктора.

— Но как же эта собака умудрилась укусить вашего мужа за нос? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сказали, что собака укусила вашего мужа за нос, — повторил я, — но она же очень маленькая. Как ей это удалось?

— Мой муж по глупости наклонился к ней, — сказала миссис Коппертаун. — Мы пошли гулять в Хит, все вместе, и тут навстречу бежит эта собака. Мой муж наклонился ее погладить — а она цап его за нос, вот так, без предупреждения. Сначала это показалось мне забавным, но Брендон принялся кричать от боли, и тут прибежал маленький противный человечек и давай орать: «Что вы делаете с моей собачкой, отпустите ее немедленно!»

— «Маленький противный человечек» — это хозяин пса? — спросил Найтингейл.

— Да, он очень противный, и собачонка у него под стать.

— Ваш супруг, надо полагать, расстроился?

— Кто же вас, англичан, поймет? — пожалала плечами миссис Коппертаун. — Я бросилась искать что-нибудь кровеостанавливающую, а когда вернулась, Брендон смеялся. В этой стране во всем находят повод для смеха. Мне пришлось самостоятельно вызывать полицию. Они приехали, Брендон показал им свой нос, и они покатались со смеху. Всем было весело, даже противной собачонке было весело.

— А вам? — спросил я.

— Вопрос не в этом, — поджала губы миссис Коппертаун. — Вопрос в том, что, если собака кусает взрослого мужчину, что помешает ей укусить ребенка или, еще хуже, младенца?

— Могу я узнать, где вы были ночью во вторник? — спросил Найтингейл.

— Там же, где и в любую другую ночь, — сказала она, — здесь, рядом с сыном.

— А ваш супруг?

Августа Коппертаун, блондинка, стерва, но далеко не дура, спросила в ответ:

— Почему это вас интересует?

— Неважно, — проговорил Найтингейл.

— Я думала, ваш визит связан с собакой.

— Так и есть, — сказал инспектор, — но нам необходимо, чтобы кое-какие подробности ваш муж подтвердил лично.

— По-вашему, я все это выдумала? — спросила Августа. Вид у нее стал как у испуганного кролика — тот самый, какой приобретает среднестатистический гражданин после пяти минут беседы с представителями следственных органов. Если человек сохраняет спокойствие дольше, это означает, что он опытный злоумышленник, либо иностранец, либо просто идиот. Все три варианта могут запросто привести за решетку, если вести себя неосторожно. Так что, если уж вам выпало пообщаться с полицейскими, мой вам совет — держитесь спокойно, но вид сделайте слегка виноватый, это самый надежный вариант.

— Что вы, разумеется, нет, — примирительно проговорил Найтингейл. — Просто, поскольку он является потерпевшим, нам необходимо получить его показания.

— Он сейчас в Лос-Анджелесе, — сказала Августа. — Вернется сегодня, очень поздно.

Найтингейл оставил ей свою визитку, пообещал в скором времени связаться и заверил, что он — а вместе с ним и все добропорядочные полицейские — относится с крайней серьез-

ностью к случаям нападения маленьких противных собак на людей.

— Вы что-нибудь ощутили в этом доме? — спросил инспектор, когда мы вышли.

— Вы имеете в виду вестигий?

— Вестигии, — поправил он. — Во множественном числе — вестигии, отпечатки. Вы почувствовали там какие-либо отпечатки?

— Честно говоря, нет, — ответил я. — Даже отпечатков отпечатков не почувствовал.

— Без конца рыдающий младенец, измученная мать, а отца нет дома, — задумчиво проговорил инспектор. — Я уж молчу о возрасте этого самого дома. Нет, что-то там точно должно было быть.

— Мне показалось, эта женщина помешана на чистоте, — сказал я. — Возможно, пылесос и моющие средства уничтожили всю магию?

— Что-то ее уничтожило, это факт, — согласился Найтингейл. — Что ж, завтра пообщаемся с мужем этой дамы. А сейчас давайте вернемся в Ковент-Гарден и попробуем взять след там.

— Прошло уже три дня, — возразил я. — Разве вестигии могут держаться так долго?

— Камень очень хорошо держит их. Именно поэтому старые здания все с характером. С другой стороны, при тамошнем потоке народа и самой энергетике этого места выявить их, конечно, будет непросто.

Мы дошли наконец до «Ягуара».

— А животные способны чувствовать вестигии? — спросил я.

— Смотря какие животные, — был ответ.

— Как насчет животного, которое, как мы считаем, уже связано с этим убийством?

— А почему это мы пьем у тебя в комнате? — поинтересовалась Лесли.

— Потому что с собаками в паб не пускают, — ответил я.

Лесли сидела на моей кровати. Она наклонилась почесать Тоби за ушами — тот заскулил от удовольствия и стал тыкать-ся ей лбом в коленку.

— А ты бы сказал, что это специальная охотничья собака, работает по призракам.

— Мы не охотимся на призраков, — возразил я, — мы ищем следы сверхъестественной энергетики.

— Он правда волшебник? — спросила Лесли. — Так и сказал? Я начинал жалеть, что разболтал ей все.

— Правда. Я видел, как он колдовал, и все такое.

Мы пили «Гролш» — Лесли умыкнула один ящик с общажной рождественской вечеринки и припрятала в кухне под стеной, за оторванным куском гипсокартона.

— Помнишь типа, которого мы на прошлой неделе задержали за разбойное нападение?

Меня во время той операции крепко приложили о стену.

— Забудешь такое, как же.

— Похоже, ты тогда слишком сильно ударился головой, — сказала Лесли.

— Но это же правда, — проговорил я. — Призраки, магия — все это существует на самом деле.

— А почему же тогда я не чувствую, что что-то изменилось? — спросила она.

— Потому что это всегда существовало, просто ты не замечала. Ничего не изменилось — поэтому ты ничего и не чувствуешь. Так-то! — сказал я, допивая бутылку.

— Я-то думала, ты реалист, — буркнула Лесли, — и мыслишь рационально.

Она протянула мне новую бутылку — я в шутку отсалютовал ею.

— Слушай, — сказал я, — вот мой папа всю жизнь играет джаз — знаешь, да?

— Конечно, — ответила Лесли. — Ты меня даже знакомил с ним — помнишь? Он мне очень понравился.

Услышав это, я поморщился — надеюсь, не слишком заметно.

— А ты знаешь, что главное в джазе — это импровизация?

— Нет, — ответила она, — я думала, главное — петь о всяких глупостях и играть так, чтобы народ плясал до упаду.

— Забавно. — А я как-то улучил момент, когда папа был трезвый, и спросил его: в чем же тут соль, каким образом он импровизирует, откуда знает, как надо играть. И он мне ответил, что идеальная мелодия просто сразу чувствуется. Играешь и вдруг понимаешь — вот оно.

— Ну и при чем здесь это?

— А при том, что Найтингейл делает вещи, которые укладываются в мою картину мира. Это мое, моя идеальная мелодия. Лесли рассмеялась.

— Так ты, значит, хочешь стать волшебником? — спросила она.

— Не знаю.

— Врешь, — сказала она, — тебе хочется стать его учеником, овладеть магией и научиться летать на метле.

— Не знаю, вряд ли настоящие маги летают на метлах.

— Сам-то понял, что сказал? — спросила Лесли. — Ну откуда ты знаешь? Вот мы тут сидим, а он, может, как раз носится где-то неподалеку.

— Просто когда у тебя есть такая тачка, как «Ягуар», ты вряд ли будешь страдать фигней типа полетов на метле.

— Логично, — согласилась Лесли, и мы чокнулись бутылками.

* * *

Снова ночь, снова Ковент-Гарден, снова я. На этот раз с собакой.

Плюс ко всему сегодня еще и пятница — то есть вокруг полно вдрызг пьяной молодежи, говорящей на дюжине разных языков. Тоби пришлось нести на руках, иначе я тут же потерял бы его в толпе. Пес был в восторге от прогулки — он то рычал

на туристов, то вылизывал мне лицо, то пытался засунуть нос под мышку проходящим мимо людям.

Я предложил Лесли бесплатные свёрхурочные, но она почему-то отказалась. Переслал ей фото Брендона Коппертауна, и она пообещала внести его данные в ХОЛМС. Было чуть больше одиннадцати, когда мы с Тоби добрались наконец до площади у церкви актеров. Найтингейл поставил свой «Ягуар» как можно ближе к церкви, но без риска, что его заберет эвакуатор.

Я подошел, и инспектор вылез из машины. При нем была та же самая трость с серебряным навершием, с которой я его увидел в первый раз. Я задумался, есть ли у этой штуки какие-то особые функции помимо того, что она удобная и тяжелая и может пригодиться, если возникнут осложнения.

— Как вы планируете поступить? — поинтересовался Найтингейл.

— Вам виднее, сэръ, — ответил я, — вы ведь специалист.

— Я просмотрел справочную литературу на эту тему, — сказал он, — но безрезультатно.

— А что, об этом есть справочная литература?

— О чем только ее нет, констебль, вы себе просто не представляете.

— У нас есть два варианта, — сказал я. — Либо один из нас проведет пса по периметру места преступления, либо мы его отпускаем и смотрим, куда он направится.

— Думаю, сначала стоит сделать первое, потом второе, — решил Найтингейл.

— Хотите сказать, будет больше пользы, если мы станем его направлять?

— Нет, — ответил Найтингейл, — но если мы его отпустим с поводка, он тут же сбежит, и конец нашему эксперименту. Оставайтесь здесь и следите.

За чем именно следить, он не сказал, но у меня мелькнула мысль, что я и так знаю, за чем. И точно — как только Найтингейл и Тоби скрылись за углом здания рынка, я услышал

чье-то призывное «Псст». Повернулся и увидел за одной из колонн Николаса — он делал мне знак подойти.

— Сюда, сквайр, сюда, — просипел он, — быстрее, пока он не вернулся.

Он завел меня за колонну — здесь, среди теней, его бес-телесная фигура выглядела внушительней и уверенней.

— Известна ли вам природа того, с кем вы общаетесь? — спросил он.

— Конечно. Вы — призрак, — ответил я.

— Я не о себе, — прошептал Николас. — Я о человеке в дорогом костюме и со страшной серебряной дубинкой в руке.

— Инспектор Найтингейл? Да, он мой начальник, — ответил я.

— Не подумайте, я не хочу вам указывать, — сказал Николас, — но если бы я выбирал себе начальника, то предпочел бы кого-нибудь другого. Не такого помешанного.

— На чем помешанного?

— Попробуйте, к примеру, спросить его, в каком году он родился, — ответил Николас.

Послышался лай Тоби, и Николас в ту же секунду исчез.

— Вам наверняка сложно находить общий язык с людьми, Николас, — проворчал я.

Вернулся Найтингейл — с Тоби, но без каких-либо новостей. Ни о Николасе, ни о его словах я инспектору рассказывать не стал. Почему-то мне кажется, что важно не нагружать начальство лишней информацией.

Я взял Тоби на руки, так что его придурковатая мордочка оказалась вровень с моим лицом. От него сильно пахло кормом «Лакомые кусочки» в соусе — я старался не обращать внимания.

— Вот что, Тоби, — сказал я, — твой хозяин умер. Я собак не люблю, а мой начальник может одним взглядом превратить тебя в пару vareжек. Тебе светит билет в один конец в приют Баттерси — и, соответственно, вечный сон. Единственный твой шанс не переселиться в небесную конуру — это напрячь

все свои сверхъестественные собачьи силы, чтобы помочь нам выяснить, кто... или что убило твоего хозяина. Ты меня понимаешь?

Тоби часто дышал, высунув язык. Потом коротко гавкнул.

— Вот и ладненько, — сказал я и спустил его наземь. Он тут же отбежал к колонне, чтобы задрать лапку.

— Я бы не стал превращать его в варезки, — проговорил Найтингейл.

— В самом деле?

— Он короткошерстный, так что варезки из него получились бы прескверные, — объяснил инспектор, — но вот шапка вышла бы неплохая.

На месте, где лежало тело Скермиша, Тоби вдруг приник носом к асфальту. Потом поднял голову, снова гавкнул и бросился бежать в сторону Кинг-стрит.

— Вот черт, — выругался я. — Неожиданно.

— Давайте за ним, — скомандовал Найтингейл.

Это я услышал уже на бегу. Шеф-инспекторам бегать не пристало — на это у них есть констебли. Я устремился за Тоби — а он, как и все мелкие крысоподобные собаки, мог, если хотел, лететь пулей. Пронесся мимо «Теско» и шмыгнул на Нью-роу. Его короткие лапки мелькали, словно в плохо прорисованном мультфильме. Я все-таки два года гонялся за пьяными идиотами на Лестер-сквер, поэтому мог бежать быстро и долго. На Сент-Мартинс-лейн я его почти догнал, но он успел скрыться в торговом центре «Сент-Мартинс-Корт», а я был вынужден обежать длинный «хвост» голландских туристов, выходящих из театра Ноэля Кауарда.

— Полиция! — завопил я. — Дайте дорогу!

Кричать: «Хватайте собаку!» я не стал — все же у меня есть определенные принципы.

Тоби пролетел мимо рыбного ресторана «Джей Шикей», мимо арабской закуской на углу, молнией метнулся через Чаринг-Кросс-роуд — одну из самых оживленных улиц Лондона. Мне, прежде чем перейти, пришлось посмотреть по сто-

ронам, но Тоби, к счастью, тоже тормознулся — задрал лапу на автобусной остановке, возле билетного автомата. Он поглядел на меня самодовольно, свысока — такой вид бывает у всех маленьких собак, когда они полностью обманули ваши ожидания, например набезобразили в палисаднике. Я посмотрел, какие автобусы здесь останавливаются. Среди таковых оказался номер двадцать четыре. Маршрут: Кэмден-таун, Чок-фарм, Хэмпстед.

Подъехал Найтингейл, и мы вместе пересчитали камеры наблюдения. Пять из них были направлены точно на остановку, их видеокамеры охватывали ее полностью. Плюс еще камеры, которые Лондонская транспортная служба вешает в самих автобусах. Я отправил Лесли эсэмэску с просьбой посмотреть запись камеры из двадцать четвертого автобуса, как только появится возможность. Не сомневаюсь, посреди ночи ее это безумно порадовало.

Месье последовала следующим утром — Лесли позвонила мне в восемь часов.

Ненавижу зиму — просыпаешься, а на улице темно.

— Ты вообще когда-нибудь спишь? — проворчал я.

— Кто рано встает, тому Бог подает, — ответила она. — Помнишь, ты мне прислал фото Брендона Коппертауна? Так вот, он сел в двадцать четвертый автобус на Лестер-сквер меньше чем через десять минут после убийства.

— Ты уже доложила Сивеллу?

— Разумеется, — ответила она. — Я тебя, конечно, люблю, ценю и уважаю, но не настолько, чтобы похерить ради тебя карьеру.

— А что именно ты ему сказала?

— Что у меня появилась версия по свидетелю А — этих версий вообще-то за последние пару дней несколько сотен набралось.

— А он что?

— Велел проработать ее.

— По словам миссис Коппертаун, ее муж должен был вернуться сегодня.

— Совсем хорошо.

— Заедешь за мной?

— Конечно, — согласилась Лесли. — А как же Вольдеморт?

— У него есть мой номер.

Я принял душ и выпил кофе, а потом вышел на улицу ждать Лесли. Она прикатила на «Хонде Аккорд» десятилетней давности. Судя по виду этого автомобиля, на нем слишком часто устраивали облавы на наркоторговцев. Тоби запрыгнул на заднее сиденье. Увидев это, Лесли скривилась:

— Под твою ответственность.

— Мне не хотелось оставлять его у себя в комнате, — сказал я. — А это точно был Коппертаун?

Лесли протянула мне пару распечатанных кадров. Угол, под которым была установлена камера в автобусе, позволял четко рассмотреть лица входящих пассажиров. Ошибки быть не могло — это был Брендон Коппертаун.

— А это у него что, синяки? — спросил я. На щеках и шее у Коппертауна имелись вроде бы какие-то пятна. Лесли сказала, что не знает. Но я подумал — ночь была промозглая, он мог выпить немного, вот и пошел пятнами на холоде.

По случаю субботы пробки были просто жуткие, и мы ехали через Хэмпстед целых полчаса. Увы, когда мы добрались до Дауншир-хилл, я увидел среди «БМВ» и «Ренджроверов» знакомый обтекаемый силуэт «Ягуара». Тоби принялся тявкать.

— А он когда-нибудь спит? — спросила Лесли.

— Думаю, он всю ночь работал, — сказал я.

— Ну ладно, мне он не начальник, — пожала плечами Лесли, — поэтому я намерена выполнить свою работу. Ты со мной?

Оставив Тоби в машине, мы направились к дому. Инспектор Найтингейл вышел из машины и перехватил нас у самых ворот. Я обратил внимание, что на нем снова вчерашний костюм.

— Питер. Констебль Мэй, — кивнул он Лесли. — Я так понимаю, ваше расследование принесло плоды?

Старшему по званию перечить нельзя, будь ты хоть сто раз королева бюста. Лесли это понимала, а посему рассказала Найтингейлу и о записи камеры в автобусе, и о том, что благодаря собаке, работающей по призракам, мы на девяносто процентов уверены, что Брендон Копшпертаун если не убийца, то как минимум свидетель А.

— Вы запросили у миграционной службы его полетные данные? — спросил инспектор.

— Нет, сэр.

— Следовательно, в момент убийства он мог еще быть в Лос-Анджелесе.

— Мы решили задать этот вопрос ему самому, сэр.

Тоби внезапно залаял — не затыкал, как обычно, а именно залаял, громко и сердито. А меня на миг накрыло странное ощущение — как будто я на футбольном поле и вокруг шумит толпа болельщиков, радуясь забитому голу. Ощущение мелькнуло и исчезло.

Найтингейл вдруг резко развернулся лицом к особняку Копшпертаунов.

До нас донесся звон разбитого стекла, потом женский крик.

— Констебль, стойте! — крикнул Найтингейл, но Лесли уже бросилась к дому. Миновала ворота, вбежала в сад — и замерла так резко, что мы чуть не врезались в нее. Что-то лежало на газоне. Лесли смотрела на это «что-то» широко раскрытыми глазами.

— Боже милостивый, — прошептала она.

Я посмотрел туда же, куда и она. Некая часть моего сознания отказывалась признавать, что кто-то способен выбросить грудного ребенка из окна второго этажа. Я судорожно схватился за телефон, а Лесли тем временем опустилась на колени и попыталась реанимировать младенца, вдывая ему воздух в нос и рот согласно инструктажу по искусственному дыханию.

— Грант, за мной, — скомандовал Найтингейл. Голос его звучал спокойно, по-деловому. Я поднялся по ступенькам на крыльцо. Очевидно, он успел вышибить дверь — сорванная с петель, она лежала на полу. Я шагнул по ней, входя в холл. Тут пришлось остановиться — мы никак не могли понять, откуда доносится шум.

Снова закричала женщина — без сомнения, на втором этаже. Потом послышался глухой удар, словно что-то тяжелое уронили на ковер. Потом раздался голос — явно мужской, но высокий и какой-то писклявый.

— Что, теперь голова не болит? — провизжал он.

Я не помню, как взбежал наверх. Помню, что внезапно оказался на площадке перед дверью, рядом с Найтингейлом. Увидел Августу Коппертаун — она лежала вниз лицом, одна рука свешивалась вниз, в проем балюстрады. Волосы намочили от крови, из-под щеки стремительно натекала красная лужа. Над ней стоял мужчина. В руках у него была деревянная дубинка длиной метра полтора, не меньше. Он тяжело дышал.

Найтингейл не колебался ни секунды. Выставив плечо, он ринулся вперед, намереваясь, очевидно, остановить его захватом, как в регби. Я бросился следом, готовясь заломить злоумышленнику руки, как только он окажется на полу. Но он вдруг повернулся вокруг своей оси и легко, без замаха ударил Найтингейла тыльной стороной ладони. Удар был такой силы, что инспектор отлетел назад, впечатавшись спиной в балюстраду.

Я изумленно пялился на лицо преступника. Умом я понимал, что это Брендон Коппертаун, — но узнать его было невозможно. Один глаз можно разглядеть, но второй залеплял кусок кожи, сорванный вкруговую с носа. На месте рта — кровавая яма, полная осколков костей и зубов. В шоке от увиденного я оступился и упал. Это спасло мне жизнь — Коппертаун как раз взмахнул дубинкой, и она просвистела прямо над моей головой.

Как только я свалился, ублюдок бросился к выходу, прямо по мне. Удар тяжелого ботинка по спине вышиб воздух из легких. Было слышно, как грохочут по лестнице его шаги. Я попытался подняться на четвереньки. Под пальцами было мокро и скользко. Я опустил глаза. Густой, обильный кровавый след тянулся из комнаты через всю площадку и дальше по лестнице.

Потом снизу раздался грохот и несколько глухих ударов.

— Надо встать, констебль, — проговорил Найтингейл.

— Что это было, черт побери? — спросил я. Он поддерживал меня под руку. Я глянул вниз. Коппертаун — или то, что приняло его обличье, — лежал на полу холла. Лицом вниз, к счастью.

— Понятия не имею, — ответил инспектор. — Пожалуйста, постарайтесь не наступать на кровь.

Я спустился со всей возможной поспешностью. Кровь на ступеньках была ярко-алой. Артериальная — наверное, фонтаном била из развороченного лица. Я наклонился и с опаской коснулся его шеи, ища пульс. Пульс отсутствовал.

— Что произошло? — спросил я.

— Питер, — сказал инспектор Найтингейл, — я прошу вас отойти от тела и со всей осторожностью покинуть здание. Мы и так уже слишком сильно смазали улики.

Вот для чего нужны инструктаж, тренировки и бесконечная практика — чтобы тело сделало все само, когда мозг не в состоянии соображать. Любой солдат вам это подтвердит.

Я вышел наружу, на свет.

Где-то вдали уже визжали сирены.